СТРАННИК

НЕСКУЧНЫЙ САД

СТРАННИК

НЕСКУЧНЫЙ САД

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА ЛИРИКИ

КАЛИФОРНИЯ

1970

ЛИРИКА

Утаиваясь от дорог больших,
Идут, как будто стороною, годы
И, словно человек, безмерный стих
Рождается в земную непогоду.

Он медлит в мире, как последний вздох
И вслух земле не сказанное слово, —
Как малая, из самых малых крох,
И капель медленных дождя земного.

ПРЕДМЕТЫ

Предметы, если не летят,
Великой тишиной звенят.
И в полночь, первый жизни час,
Предметы все жалеют нас.

А мы, немудрые, поем
И тишины своей не ждем.
За нас молчит предмет немой,
Как ангел тишины земной.

КОЛИБРИ

Я много лет не слышал соловья.
Быть может соловьи теперь погибли.
Но в Калифорнии душа моя
Прислушалась к летанию колибри.

Колибри песен райских не поет,
Она летает, как летают пчелы,
И песнь ее — сверкающий полет
К цветам печальным и к цветам веселым.

ЗЕМЛЯ

В каждом новом дне и годе
Есть безмерности река.
Все быстрее мир уходит
Легким дымом в облака.

И земля всегда на грани,
На отлете, без корней,
Словно ты, последний странник,
Притаившийся на ней.

БЛИЗОРУКОСТЬ

Мир земле открыт не прямо,
Мир таинственно открыт
И расплывчатости яма
На людей всегда глядит.

Расплывается виденье
На земле вещей простых.
Только вестником прощенья
Над землей восходит стих.

ШЕКСПИР

Жизнь королей всегда была равна
Свечам тяжелым и оплывшим воском.
Страстей земных пустые имена
Стучат, звенят на крашеных подмостках.

Никто не понимает никого
На этом сумасшедшем старом свете.
Давай посмотрим в трещину его —
В оставленный узор его столетий.

ОВИДИЙ

Овидий, ты сказал не о любви,
Которая нам тайны открывает.
Свою любовь любовью не зови,
Она, как иней легкий утром тает.
Любовь есть только то, что пролетает
Над голосом веков и шумом стран.
О ней сказал апостол Иоанн,
Она есть жизнь святая и простая.

ПОЛУЛЮБОВЬ

Зови любовь на эти берега,
Где нет ни тесных скал, ни опьяненья
Свободою, ни тишины, ни пенья,
И нет уже ни друга, ни врага,
Но водорослей ласковая прелость
Лежит в песках зеленоватых вод,
Да раковин пустых окаменелость,
Полулюбви земной забытый плод.

БЕРЕГА ТИБРА

Блистали здесь, мечами, латами
И всякой древней славой ходкою,
Теперь туристы с аппаратами
Идут некрепкою походкою.

Тысячелетьями изъеденный,
Тибр бредит древнею дремотою,
Неся забвенье, как заведено,
Луною и водою желтою.

И, легким бредом утомленная,
Неистощимой речью южною,
Земля исходит песней сонною
И сновиденьями ненужными.

ПРЕД УТРОМ

Не передумать и не перечесть,
Что мы своей земле уже сказали.
В словах последних тихий шопот есть,
Его уже не слышно в этом зале.

Так странно в мире люди говорят,
Нельзя понять, смеются или плачут.
А свечи в душном зале все горят —
Рассвет еще не начинался, значит.

СТИХОТВОРЕНИЕ О СКИТАНИИ

Покоряли
Мы долго
Планету свою
И теряли.
И опять покоряли
До всех
Гималайских
Вершин.
И опять
Покрывались
Далекими дымами
Дали,
И опять
Человек оставался
Над миром
Один.
Мы не знаем
Богатства
Надежды своей.
Мы не знаем,

Как цветут
По утрам
И уходят
С земли облака
И скрывается
Вечность
И снова
Приходит из Рая;
И все пишет
Неясные буквы
Над миром
Рука.
Но о нас
Не забыли,
О нашей любви
Не забыли.
И все то же
Сиянье
Над чистою далью
Вершин.
И все ходит
За нашим
Скитанием
Облачко пыли
И все пишет
Над миром —
Мене и текел
Упарсин.*

---

* Дан. У, 25.

НЕВИННОСТЬ ЛУНЫ

Нам не легко итти дорогой тряской
В своем земном тревожном полусне
И мы, с какой то сладостной опаской,
Уже взлетаем к медленной луне.

Луна невинная. Наш век железный
Идет чернить твой лунный светлозем.
Пролей в него всю царственную бездну
Своим ночным сияющим дождем.

КРАТЧАЙШАЯ ПОЭМА

Ты умрешь и никто не заметит,
Что окно у тебя не светит
И не метит жилище дым...
Ты умрешь и никто не заметит,
Что тебя на пути не встретит,
Как встречал тебя молодым.
Но звезда на рассвете заметит,
Что дыханье твое ответит
На сиянье другой земли,
На свиданье в новом просторе,
Где бессмертных встречают зори,
Как розовые корабли.

БЕЗЗАЩИТНОСТЬ

Д. Кленовскому

Все связано порукою земной —
За зверем ночь, простор за белой птицей;
Но кто укроется за белизной,
За ангела, кто может заступиться?
Нет беззащитней в мире, чем они,
Нет утаенней их в холодном мире.
Пред ними надо зажигать огни,
Их надо петь на самой громкой лире
И говорить, что ангелы всегда,
Спасая смертных, падают в пучину.
Они идут с волхвами, как звезда,
Хранят рожденье, пестуют кончину.
Но сколько оскорблений, сколько слов
Мир говорит об ангелах впустую —
«Все существует, средь земных основ,
И только ангелы не существуют!»
Хранитель ангел, если, и любя,
Твой шопот я поранил невниманьем,

Прости меня. Я знаю, что тебя
Увидят все в час позднего свиданья.
Когда наступят сумерки земли
И свяжутся навек пустые речи,
Все ангелы придут, как корабли,
Последней беззащитности навстречу.

НЕСКУЧНЫЙ САД

Нет ничего звезды горючей краше.
Мы все живем на молодой земле,
В ее садах проходит время наше,
Как уголь, утаившийся в золе.

Средь безвозвратности земных кочевий
Взор на большой звезде останови.
В Саду Нескучном тихие деревья
Нам говорят о вечности любви.

Нескучный Сад хранит свои стволы
Средь запахов березовой смолы.
Нескучный Сад, он весь тебе открыт,
Нескучный Сад, он на тебя глядит, —
Медлительно глядит в глаза твои
Безмерностью — и верностью — любви.

ТИХОСТЬ

Обиженные тишиной стоят леса,
В каких то ветках дальних скрылись птицы,
Коричневатая и желтая оса
На стебельке упрямом копошится,
И в неподвижном полумраке хвой
Земля пьянится тихостью земной.

ЛЕТНИЙ ПОЛДЕНЬ

Ветка в небе спит качаясь,
На локте твоем репей,
Тишиной не напивайся,
Слез безжалостных не пей.

Сколько тихости на свете,
Сколько блага на веку.
Все приходят слезы-дети,
Жгут под ельником щеку.

ГОСТЬ

Твой Гость к тебе стучит
И каждый сердца стук —
Удар о слабый щит
Его желанных рук.

РОЖДЕНИЕ СТРОКИ

Строка не знает своего конца.
Ей все любезно, все как будто ново,
Но стих родился и глядит сурово
На руку терпеливого отца.

Выходит стих из сокровенных недр
И ремеслом питается умелым.
Он, как отец, к земле холодной щедр,
И, как отец, несет любовь несмело.

ТЕЛЕГРАММА ПОЭТУ

Сходит с людей короста,
Дух прелый и пряный.
Поэт, говори просто,
Негромко и прямо.

Многое, что случилось
С поэзией, любовью —
Время сократилось,
Конец многословью!

ЛОТ

Казалось, в мире нету новых слов.
Поэзия — невольность повторений,
И ты уже не слышишь этот зов
Твоих стихов, горящих в отдаленьи.

Но только стоит взять перо и — вот,
Опять, в беспамятстве своих созвучий,
Ты на горе своей, как новый Лот,
Стоишь средь призраков благополучья.

БАЛЛАДА О ПОНЕДЕЛЬНИКЕ

Начинается понедельник,
Начинается так давно.
У окна все сидит бездельник,
Смотрит в праздничное окно.

И когда над зарей багряной
Загораются облака,
Странной гостьей глядит незваной
Человеческая рука.

Ничего человек не пишет
На великой земле своей.
Только слышит, как в ветках дышит
Птичка малая, соловей.

И проходит в безделье этом
Человека легчайший век.
Пусть он будет назван поэтом,
Этот праздничный человек.

ВИКТОРИЯ ЛОНДОНСКАЯ

Здесь много встреч и расставаний
В последний узел заплелось.
И все разносит время врозь
Слова последнего свиданья.

И все идут, плечом к плечу,
Проходят люди это зданье,
Огромный муравейник чувств,
Предчувствий и воспоминаний.

РАДИОНОВОСТИ

Полусчастлив, полусердит,
Все безразличней, все бесследней,
Ничтожный дух земли спешит
Делиться новостью последней.

И льются токи новостей
Чрез облака струею теплой
На крики, лязги, стоны, вопли
И хрусты дальние костей.

БАЛЛАДА О ПЕРЕСАДКЕ СЕРДЦА

Я малое сердце отдал,
Его мне вырезал врач,
И стало оно навсегда
Началом больших отдач.

Оживился сердцем другой,
А, после него, еще
Всаживал врач быстрой рукой
Сердце в живое плечо.

И сердце пошло кочевать
В безмерности без потерь,
Как любовь, как сестра, и мать,
Открытая в небо дверь.

А я невредимо хожу,
Стряхнувший сердце, как прах.
Отдавайте сердце ножу,
Отдавайте Врачу сердца!

Его и свое острие,
Врачу отточил я сам,
Чтоб вырезал сердце мое
И дал неживым сердцам.

Человек, над сердцем не плачь,
Земных врачей не тревожь,
Есть для всякого сердца Врач
И молний чудесных нож.

ПРОСТОЕ УТРО

Поэт еще не свыкся с простотой
И не поверил утру мира Каин.
Такой веселый и такой простой
Гуляет ветер у дневных окраин.

Приходит мир к своей голубизне,
Поющему обещана награда.
Не бормочи, а улыбнись во сне
Прозрачно-светлым гроздьям винограда.

АДДИС АБЕБА

Когда затихнет в мире крик усталый
И солнце снова ляжет за горой,
Идут к задворкам робкие шакалы,
Ища себе нечистоты земной.

Их время — тьма. Ничто не потревожит
Обгладывания костей в пыли.
Они ступают в мире осторожно,
Как бедные сыны моей земли.

МОСКВА

Опять поет в рассвет поэт пригожий,
Тревожа утомленную весну,
И поздний спотыкается прохожий,
Бредущий к незаслуженному сну.

Москва, Москва, опять все в том же «звуке»
С надеждою терпение слилось.
Я все иду к тебе, как сын и гость,
Не знавший, ни прощанья, ни разлуки.

МАРИНА

Ее стихи текли в ее руках.
И слышалась в прищуренной Марине
Обузданная смелость ветерка,
Легко гуляющего по пустыне.

Она держала беззащитный щит.
Безжалостно и вдохновенно-зорко
Она в стихах безумных говорит
Своей единственной скороговоркой.

Ей не хватало, может быть крыла.
Но мы не знали, где любовь и милость,
И мы забыли, как она ушла
И над Елабугой остановилась.

У ПОРОГА

У порога рая
Мы лежим умирая,
Горюем, сердимся,
Что с раем не встретимся,
Что жизнь у нас другая
И нету рая.
А рай совсем у порога,
Только ступить немного.

ТУЛЬСКАЯ ВЕСНА

Сколько разных светлых точек
На полнощном небосклоне.
Клейкий маленький листочек
Шевелится в звездном лоне.

Пахнет все водою вешней,
Обнаженных листьев тленьем.
Средь прогалин у скворешни
Умирает снег весенний.

СТОРОЖ ЗЕМЛИ

Гуляет смерть по всем ножам, штыкам,
По всем стихам земным, стволам ружейным,
По крикам и слезам, по снам келейным,
По всем пустым глазам, слепым рукам.
Но вся любовь открытая векам,
В неповрежденности благоговейной
Стоит и стережет земли покой,
И тихою зовет меня рукой.

ОЖИДАНИЕ

Меж любимым, нелюбимым
Нету разницы большой —
Мир насыщен звездным дымом,
Непроснувшейся душой.

Неполезны разговоры,
Надо верить, чуть дыша,
Что проснется очень скоро
Мира мудрая душа.

СЕВЕРНАЯ АФРИКА

Зинаиде, сестре

Песнь и вера, шопот и труд
На рассвете жаркой земли.
Петухи, корабли поют,
Идут в рассвет корабли.

Человек свободен и раб
В этой странной своей судьбе,
Как большой тяжелый араб
На малом, тонком осле.

Танжер. 1952.

УКРОЩЕНИЕ ВЕЛИЧИЯ

Человек на свет родился
Музыкантом и поэтом.
Ростом он остановился,
Милосердье вижу в этом.

Знают меру все таланты,
Мед они едят с акридом;
Утомляют нас гиганты
Разных светлостей и видов.

ТРУДНАЯ РАДОСТЬ

Летейских бурь нельзя остановить,
Но можно жить с холодной жизнью рядом,
Когда осенней верностью любви
Огнем цветут средь хлада листья сада.

Нам к трудной радости привыкнуть надо.
Придет негаданно великий день,
И вот, идет его нагая тень
Неотвратимою своей усладой.

Уступчивость и непреклонность,
Как две сестры передо мной идут.
Я вижу, как они меня зовут,
Одна — своей улыбкой сонной,
Другая — не давая отдохнуть,
Все к новым звездам открывая путь.
Нежны глаза одной, — другой — строги,
Мне эти сестры равно дороги,
Мне вожделенны эти два огня,
Что звезд сильнее и мудрей меня.

ПОСЛЕДНИЙ ШУМ

Тихо мы живем и умираем,
Голову на левый бок склоня,
Словно сердце задышало раем,
Шумами последними звеня.

В наше сердце эта жизнь приходит
Поцелуем ангела в тиши.
Отойди душа от всех бесплодий,
Воздухом бессмертности дыши.

КАЛИФОРНИЯ

Я опять на земле любимой,
На бесснежной Твоей земле,
И текут апельсины мимо,
Словно красный огонь в золе.

Это житница и пустыня,
Океан облаков и вод,
Свежий ветер, от моря синий,
В ветре тающий пароход.

ЧИСТЫЙ ВОЗДУХ

Гуляешь своей дорогой,
Счастьем идешь опять,
Хочется небо потрогать,
Погладить, поцеловать.

Изменяйся доброе небо,
Синей, бледней, голубей,
От земли непутевой требуй
Ласточек и голубей.

БЕЛАЯ КНИГА

Безрадостной невнятицей потерь
Мы долго мерили свои седины.
И нам теперь открылась эта дверь
В глубины белой Книги Голубиной.

Нам старость новая теперь слышна
Средь млечной седины ее высокой.
Она нужна, как эта седина
Уже белеющая на востоке.

ЛИМОННЫЕ САДЫ

На выжатый лимон
Смотрю — какой восторг
Он так себя исторг,
Так миру отдал он!

Бессмертью по пути
Лимонный этот прах.
Душа моя, цвети
В лимонных тех садах.

ДРЕВНИЙ ГОЛУБЬ

«Голубь возвратился к нему в вечернее время»...

Бытие VIII.

Тяжелой шубой океана
Покрыт холодный мир земной,
И выростают из тумана
Все волны мира предо мной.

И вечность в волнах этих длится
Под тяжким временем земли.
И ту же ветку мира птица
Несет в земные корабли.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

ТОГО ЖЕ АВТОРА

«Странствия» /Лирический Дневник/, Нью Иорк, 1960 г.
«Книга Лирики». Париж, 1966 г.
«Упразднение Месяца. Лирическая Поэма». Издание «Нового Журнала», Нью Иорк, 1968 г.

STRANNIK. 2040 Anza St.
SAN FRANCISCO, California, 94118
U. S. A.

Printed in Spain

Depósito legal: M. 25.300 - 1969

Ц. $ 1.50 — 10 шилл. — 5 шв. фр.. франц. фр. и герм. мр.

Talleres Gráficos de Ediciones Castilla, S. A. - Maestro Alonso, 21. Madrid